

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

Корсар
(Поэмы)

Содержание

Часть I	.0005
Часть II	.0012
Часть III	.0019
Примечания	.0023

Михаил Юрьевич Лермонтов
Корсар
поэма

*Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux
La Harpe.[1]*

Часть I

*Друзья, взгляните на меня!
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих как блеск огня;
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упования!..
Исчезло всё!.. одни страдания
Еще горят в душе моей.*

* * *

*Я не видал своих родимых, —
Чужой семьей воскормлен я:
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,
Равно мы слезы проливали,
Когда всё спит во тьме ночной,
Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..
Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! – не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.*

* * *

Мой умер брат! – перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел. Ах! – я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной му-
ки:

Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
Он умер! – страшным восклица-
нием
Сражен я вдруг был с содрога-
нием,
Но сожаленье, не любовь
Согрели жизнь мою и кровь...

* * *

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда – и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я всё переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенней любить.
Самим собою недоволен,

Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумии глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелкал,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,
Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я – угрюмой
Душа моя смутилась думой;
Не могли более страдать,
Я вдруг решился убежать.

* * *

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем доме глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощаль-

ный
На место бросить то – где я
Так долго жил в тиши безвест-
ной,
Где жизни тень всегда прелест-
ной
Беспечно встретила меня.
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

* * *

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,
Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я озарен луною...
Ах! – как она томна, бледна,
Лила лучи свои златые
С небес на рощи береговые.
Везде знакомые места,
Всё мне напоминало младость,
Всё говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той моги-
лой,

Где прах лежал столь сердцу милый.

Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

* * *

Потом... неверными шагами
Я удалился – но за мной,
Казалось, тень везде бежала...
Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень...
Но встал, пошел к брегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел —
(В душе сменялося мечтанье) —
Ярчее дневное сиянье,

И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он прекрасный, величавый
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на берег безмолвный
Я вышел. Всё в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей,
«Прости, отчизна золотая! —
Сказал, – быть может, в этот
раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час
Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...

* * *

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною:
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою

Бродил один как сирота,
Не смея ввериться как прежде
Всё изменяющей надежде;
Мир был чужой мне, жизнь пуста

Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил – день уходил;
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Восто-
ка,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от Рока! —
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти всё то, что я любил.

Часть II

Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.
Венчаный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный чолн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между куста-
ми
Изрезан узкими тропами.
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,
И башни гордые Лемоса
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами
Как бы на лебеда крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет

Через поле черной полосой.
(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волне-
нье,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдаленье
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоенье
Фракиец храбрый пировал;
Теперь всё пусто. Вспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность; но оне
Той страшной участи не знали,
И дышит всё здесь стариной,
Минувшей славой и войной.

* * *

Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный —
В пещере темной у скалы,
Как будто горние орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,

Пленить, рубить, в морях летать, —
И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких

—
(Любить кого, не находил),
Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу младость,
Зачем стареть душой своей,
Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.

* * *

Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. Ах, думал я,

Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там меня.

Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой <бег> меж островами,

Цветущими над влажным дном
Святого старца-океана;

Я видел их. Но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть – всё за одно!!!

* * *

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Всё, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне: воды,
Поля, леса, луга, холмы,
И все, все прелести природы...
Но! – так себе неверны мы!! —

Живем, томимся и желаем,
А получивши забываем
О том. – Уже предмет другой
Играет в нашем вображенье
И – в непрерывном так томленье
Мы тратим жизнь, о боже мой!

* * *

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой
Как в море был в степи сухой.

* * *

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда всё спит, то мы одни
При полной в облаках луне
В пещере темной припевая
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая...
Потом мы часто в корабли

Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли
Какой-то гордостию полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

* * *

Я часто храбрый, кровожадный
Носился в бурях боевых;
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,
Тогда вспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальная дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,

Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной всё исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств, и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

Часть III

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалека,
И гнал стоная вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,

То вдруг треща вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.
На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь
гром.
Вдруг слышен выстрел отдален-
ный,
Блеснул фонарь как бы зажжен-
ный
На мачте в мрачной глубине...
И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось,
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Всё различить мне было трудно.
Предавшись глухим волнам,
Они на помощь призывали,
Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!»
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит – и с шумом утопает.

* * *

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все, как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал,
Лишь изредка волна вздымалась,
Как бы гора, и опускалась.

.....

.....

Всё смолкло! Вдруг корабль вол-
ной
Был брошен к мели береговой.

* * *

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Воспоминала. Томный взор

Чернее тьмы, ярче света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда блистая
Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце
есть),
Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.

Примечания

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 1 (переплетенная тетрадь), лл. 28—43. Там же автограф поэмы «Кавказский пленник» и титульный лист поэмы «Черкесы».

На л. 28 крупными буквами выведено заглавие: «КОРСАР», на л. 29 – титульный лист («Поэма Корсар. Сочинение М. Лермантова»), на обороте – эпиграф, на л. 30 об. – рисунок тушью и акварелью, изображающий двух детей, охраняемых двумя ангелами. Под рисунком подпись: «Невинность всегда охранена». Рисунок по содержанию относится к началу поэмы. Стихи «Она из стороны далекой... С тех пор печальна и грустна» заключены в квадратные скобки.

Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 33, лл. 73—81 об. (текст тождествен автографу, но без эпиграфа).

Впервые отрывки из поэмы опубликованы в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 11—14, статья С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова»); первая полная редак-

ция – в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 152—163) и в Соч. под ред. Введенского (т. 2, 1891, стр. 329—336).

В настоящем издании исправлены описки автографа, исправления даны в скобках:

Стремил мой (стремил мой <бег>)

Бувых (боевых)

Разлучить (различить)

Стих «Стремил мой <бег> меж островами» исправлен по тексту поэмы Байрона в переводе Козлова «Абидосская невеста», откуда взят этот стих.

Датируется 1828 годом по нахождению в тетради рядом с «Кавказским пленником». «Корсар» создан под значительным воздействием поэм Пушкина. Стихи «Моя давно увяла младость,... Еще горят в душе моей» и «С тех пор покоя я не знаю, Но с тех же пор я омертвел, Для нежных чувств окаменел» взяты из «Братьев разбойников», стихи «Узнав неверной жизни цену, В сердцах людей нашед измену» – из «Кавказского пленника». Мотивы Греции и греческих корсаров, возможно, вызваны политическими событиями русско-турецкой войны 1828—1829 годов.

Есть в поэме реминисценции из поэм Козлова. В стихах «Простясь с печальными берегами... Что жизнь и смерть – все за едино» – из его перевода «Абидосской невесты», в стихах «Мой умер брат! – перед очами Еще теперь тот страшный час», «Чтоб турок сабля роковая Пресекла горестный удел», «Зачем вам сказывать, друзья, Что было как потом со мною» – из «Чернеца» и в стихах «Как бы сражаясь с судьбою, Мятежной ярости полна, Душа, терзанью предана» – из «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой». Стихи «Нам в оном ужасе казалось... И устремлялся гром на гром» – из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» 1746 г.

Эпиграф взят Лермонтовым из французского романа Лагарпа «Héro et Léandre». Французский текст изменен применительно к содержанию поэмы. У Лагарпа (La Harpe. Œuvres, t. 3, Paris, 1820, стр. 471) читаем:

*Longtemps il cut le sort prospère
Dans ce trajet si dangereux.
Las! il devint trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.*

*Долго ему благоприятствовало
счастье
На таком опасном пути.
Увы! он стал чрезмерно смелым,
Потому что был чрезмерно
счастливым.*

Стих «Где Геллеспонт седой, широкий,». Геллеспонт – древнегреческое название Дарданельского пролива. В данном случае речь идет о прилегающей к нему северной части Эгейского моря.

Стих «Афос задумчивый стоит.». Афос – греческая форма названия горы Афон.

Стих «И башни гордые Лемоса». Лемос (правильно: Лемнос) – остров в северной части Эгейского моря, западный берег которого виден с Афона.

Сноска

*Долго счастье ему благоприятствовало
В таком опасном ремесле.
Увы! он становится чрезмерно
смелым,
Потому что был чрезмерно
счастливым.
Лагарп. (Франц.)*

[^^^]